

ВОПРОС ОБ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СИСТЕМ И. КАНТА И А. ШОПЕНГАУЭРА

А. И. Троцак

В статье рассматривается проблема критического восприятия системы Канта Шопенгауэром, обобщаются позиции историков философии по данной теме. Важным следствием вопроса об историко-философской преемственности является проблема оптимизма и пессимизма, которая служит индикатором того, как из противоположных системных оснований получаются противоположные результаты философской картины мира Канта и Шопенгауэра.

Любая философская система, как показывает история философии, не создается в отрыве от предшествующего опыта решения той или иной проблемы. Созданная Шопенгауэром философская система также не может быть полностью рассмотрена в отрыве от контекста, то есть без обращения к модели И. Канта.

В сравнительных исследованиях по истории философии сложилась неоднозначная ситуация, связанная с оценкой того, что Шопенгауэр видоизменил, а что перенял у своего предшественника. В этом смысле возникает необходимость обобщения доступного нам материала и актуализации двух противоположных тенденций, в каждой из которых по-своему интерпретируются философские достижения Шопенгауэра:

- Шопенгауэр заимствовал у Канта элементы гносеологии, но интерпретировал их по-своему, пытаясь исправить ошибки предшественника (Х. Вирц, М. Фляйшер, П. Гардинер, А. Бобко, М. Косслер);
- Шопенгауэр негативно воспринял основные положения кантовской философии, недооценил значение критицизма, и тем самым дал ошибочную интерпретацию модели И. Канта через призму собственной системы (К. Фишер, Гюнтер, М. Людендорф, О. Зукау).

Первая тенденция является одной из самых распространенных в историко-философских исследованиях. Шопенгауэр однозначно в «Критике кантовской философии» пишет о том, что его восхитило в системе Канта и что следует использовать для пользы всей философии. Он восхищается только определенными достижениями философии Канта, а именно: считает заслугой Канта разделение мира вещей в себе и явлений, уничтожение этики эвдемонизма, критику онтологического доказательства бытия Бога, а также выделение пространства и времени как априорных форм чувственности. Эти выводы Шопенгауэра многими исследователями его философии интерпретируются как пример заимствования элементов системы Канта [10, с. 121–133]. Исследователь философии Шопенгауэра П. Гардинер отмечает, что в «Критике кантовской философии» Шопенгауэр стремится исправить или же дополнить кантовские положения ради обоснования собственной системы» [2, с. 54].

Шопенгауэр, как утверждает М. Фляйшер, усовершенствовал этику Канта [11, с. 63]. Нередко воззрения Шопенгауэра сравнивают с воззрениями Платона, что может служить демонстрацией преемственности философских школ [18]. Та же преемственность заметна в учении Шопенгауэра об эмпирическом и интеллигибельном характере, идею он взял у Шеллинга и Фриза [13, с. 195–201].

Таким образом, первая тенденция характеризует систему Шопенгауэра с позитивной стороны, то есть изменения Шопенгауэром основных положений философии Канта оправдываются.

Вторая тенденция толкования системы Канта Шопенгауэром характеризуется неоднозначной оценкой. Многие историки философии настаивают на факте того, что Шопенгауэр попросту неверно понял доктрину Канта. К. Фишер, который посвятил Шопенгауэру специальный труд, настаивает на мнимом основании считать Шопенгауэра преемником Канта, так как «великий пессимист» не принимал в расчёт то, что для Канта было значимо в течение всей его научной деятельности: «Эта проблема (исследование вещей с точки зрения эволюционно-исторической). <...> Шопенгауэр в этом не только не принимал никакого участия, но и почти не замечал этой работы» [9, с. 533–534].

М. Людендорф соглашается с тем, что Шопенгауэр неверно истолковал тексты Канта, и в результате подобного недопонимания у Шопенгауэра появилось основание не согласиться с Кантом в том, что в вещи в себе не присутствует воля [14, s. 25]. Гюнтер также выражает ясную мысль о непонимании Шопенгауэром сущности кантовской вещи в себе, а именно: по Шопенгауэру, объекты чувств должны предполагать наличие в своей основе вещи в себе, которая сама себя объективирует, у Канта же вещь в себе аффицируется субъектом [12, s. 212].

О. Зукау считает, что фундаментальная причина резкой критики Шопенгауэром Канта заключается в подмене тезиса главного труда Канта: Шопенгауэр считает, что в «Критике чистого разума» Кант стремился доказать идеальность априорных форм чувственности, хотя на самом деле его главной целью было доказательство возможности объективного познания [17, s. 38].

Таким образом, из двух историко-философских тенденций, в которых Шопенгауэр рассматривается и как последователь Канта, и как его критик, прослеживается одна закономерность: основания системы Канта, перенятые Шопенгауэром, приводят к противоположным следствиям, в результате чего кантовская система подверглась ревизии.

Противоположными следствиями их систем явилось различное понимание взаимодействия мира и человека. И у Канта, и у Шопенгауэра эти противоположности выразились в специальных морально-нравственных установках – оптимизме и пессимизме, как оценки мира и положения человека в нем. Для понимания оптимизма и пессимизма остановимся на двух интерпретациях, которые демонстрируют общий характер этих систем:

- 1) анализ оптимизма и пессимизма, исходя из концепции возможных миров, в которой наш мир либо наилучший, либо наихудший или же нечто среднее между ними;
- 2) анализ оптимизма и пессимизма как результат оценки исторического процесса.

Кант посвятил проблеме оптимизма специальную работу «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме», которая вышла в свет в 1759 году. В ней он утверждает следующее: «...Одну ре-

альность, как таковую, нельзя отличать от другой реальности. Если вещи отличны друг от друга, то они всегда различаются лишь по степени их реальности и различающиеся между собой вещи никогда не могут иметь одинаковой степени реальности <...>. Поэтому одна реальность отличается от другой ни чем иным, как взаимно зависящими отрицаниями, отсутствием, пределами, т. е. не своими качествами (qualitate), а величиной (gradu)» [4, с. 8].

Кант не допускает использование понятия Бога в области знания в качестве положительного понятия, что можно встретить у догматических философов, таких как Х. Вольф, например. В результате этой посылки существующий мир не может являться ни наихудшим, ни наилучшим, но каждый из них реален только в том случае, когда проявлен из мира вещей в себе. То есть один мир от другого отличается только по степени реальности, которая определяется поступками человека. Следуя Канту, недопустимо предполагать ситуацию, когда два мира будут наилучшими или наихудшими, так как ни один из них еще не проявлен из мира вещей в себе. Получается, что действительный мир возможно изменить согласно правилам разума или же неразумия, а именно: как можно дольше продлить жизнь человеческого рода или же довести до мировой катастрофы – все в руках человеческих. Эти мысли Канта направлены в первую очередь против Х. Вольфа и Г. Лейбница, которые, признавая в качестве основания мира Бога, считали существующий мир наилучшим, ведь Бог не мог создать для людей плохого мира [6, с. 135].

Иными словами, наш мир может отличаться по степени от наилучшего мира, однако по качествам нельзя установить приоритеты, не подразумевая при этом единство мира вещей в себе и мира явлений (об этом единстве в этой работе пока что речи не идет, хотя логика перехода у Канта просматривается).

В практической философии идея мира, который может стать наилучшим, выразилась у Канта в идее царства целей, которое должен построить человек сам. Отсюда оптимизм всей кантовской системы заключается в том, что философ дает возможность человеку действовать самостоятельно, но самостоятельность не означает произвольность действий.

Кант потому не приемлет идеи Лейбница о совершенном существе, который наилучшим образом подготовил человека к моральному закону, что не религия должна быть путеводительницей рода человеческого, а сама мораль человека, из которой вытекает религия.

Шопенгауэра, в отличие от Канта, принято в истории философии называть пессимистом. Выдвинув свой главный тезис о том, что мир есть воля, а человек – проявление этой воли в страдательном состоянии, Шопенгауэр представил субъекта в своей системе как страдательное существо, которое отделено от своей сущности (воли), в результате чего человек практически постоянно испытывает страдания, которые носят позитивный характер [15, с. 106]. Счастье и удовольствия, по Шопенгауэру, являются негативными состояниями, так как они попросту направлены на отмену страданий, а страдания позитивны, так как с помощью них мы можем распознать удовольствия. Из подобной «сансары» вырваться может только гений или познавший волю субъект, но все это может приводить к отрицанию воли к жизни. Во втором томе «Мира как воли и представления» Шопенгауэр пишет: «Жизнь предстает как сплошной обман от малого до великого. Если она обещает что-то, то не держит их, или держит для того, чтобы показать, насколько недостойно желания было желаемое» [16, с. 743].

Вторая интерпретация оптимизма и пессимизма затрагивает вопрос о понимании исторического процесса. Кант подразумевает под историей процесс становления человечества, переход человека из состояния животности к разумности. В «Споре факультетов» Кант пишет о том, что естественная история человечества не так значима для него, большую роль играет история нравов [5, с. 190]. Он рассматривает историю в пространстве прогресса науки, знания и нравственного совершенствования – все это характерно для эпохи Просвещения. История, по Канту, может развиваться в различных направлениях: войны, эпидемии, моральная деградация в итоге оказываются двигателями прогресса, если человечество разумно преодолевает все эти невзгоды [7, с. 7]. Кант также считает, что историю можно предсказывать. В работе «Конец всего сущего» он предпринимает подобную попытку [3, с. 205–219].

Человечество может для себя выбрать три возможных исхода: естественный (соответствующей моральным целям), мистический (конец по неизвестным причинам), противоестественный (вызванный людьми из-за неверного понимания конечной цели). Нравственное совершенствование человечества, по Канту, не противостоит природе, а наоборот, природа как бы подсказывает, что человечество занимает особую нишу среди других организмов. История в учении Канта предстает как процесс этого нравственного совершенствования человеческого рода, которое бесконечно стремится приблизиться к реализации идеи царства цели [1, с. 3–11].

Согласно учению Шопенгауэра, история не является той наукой, на которую можно полагаться, так как никакой системы в истории не существует, есть только отрывочное знание, которое обогащает человечество опытом [16, s. 571]. Шопенгауэр сравнивает историю с памятью человеческого рода, служащей для совершенствования самопознания. Кантовскую идею прогресса Шопенгауэр не принимает, так как оценивает существующий мир как наполненный страданиями: жизнь в полном смысле не оправдывает возложенных на нее надежд. Очевидно, что прогресс, понимаемый Кантом, в системе Шопенгауэра не работает. В истории философии Шопенгауэра практически всегда называют пессимистом – это отчасти связано с тем, что человек в его системе сталкивается с проблемой упорядочивания явлений в мире. Этот конфликт (разум – воля; сознание – бессознательное) возникает по причине отрыва от Мировой воли. В этом смысле пессимизм Шопенгауэра может быть понят как модель осторожного поведения, в которой учитываются риски внешней среды и имеется стремление к сохранению своей жизненной силы, однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи [8].

Оптимизм и пессимизм как противоположные взгляды на человека и мир в системах Канта и Шопенгауэра являются результатом их учений, несмотря на то что Шопенгауэр пытался применить модель Канта в своей собственной доктрине. Момент разнородности и даже противоположности взглядов на основные философские положения свидетельствует о нелинейности историко-философской преемственности между системами Канта и Шопенгауэра.

Литература

1. Вуд А. Роль религии в Кантовской философии истории // Кантовский сборник. Калининград, 1994. Вып. 18. С. 3–11.
2. Гардинер П. Артур Шопенгауэр. Философ германского эллинизма. М.: Центрополиграф, 2003.
3. Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 205–218.
4. Кант И. Опыт некоторых рассуждений об оптимизме // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 5–15.
5. Кант И. Спор факультетов. Калининград: КГУ, 2002.
6. Лейбниц Г. В. Опыт теодицеи о благодати Бога, свободе человека и происхождении зла // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4.
7. Ойзерман Т. И. И. Кант и проблема объективной социально-исторической закономерности // Кантовский сборник. Калининград, 1995. Вып. 19. С. 3–10.
8. Троцак А. И. Прагматические аспекты пессимизма А. Шопенгауэра // Философия и социальные науки. № 1/2. 2012. С. 32–35.
9. Фишер К. Артур Шопенгауэр. СПб.: Лань, 1999. С. 533–534.
10. Bobko A. Die Natur der Vernunft bei Kant und Schopenhauer // Schopenhauer im Kontext. Würzburg: Königshausen & Neumann GmbH, 2002. S. 121–133.
11. Fleischer M. Schopenhauer als Kritiker der Kantischen Ethik. Würzburg: Königshausen & Neumann GmbH, 2003. S. 63.
12. Gönther. Über Schopenhauer's Kritik der Kantischen Philosophie // Jahrbuch des Vereins für Wissenschaftliche Pädagogik. № 49. 1869. S. 212.
13. Koßler M. Empirische und intelligibler Charakter: von Kant über Fries und Schelling zu Schopenhauer // Schopenhauer-Jahrbuchs. 1995. Bd. 76. S. 195–201.
14. Ludendorff M. Ein Wort der Kritik an Kant und Schopenhauer. Pähl: Franz von Bebenburg KG, 1976. S. 25.
15. Schopenhauer A. Aphorismen zur Lebensweltweisheit. Berlin: Der Goldman Verlag, 1989. S. 106.
16. Schopenhauer A. Die Welt als Wille und Vorstellung. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1996. Bd. 2. S. 782.
17. Suckau O. Schopenhauers falsche Auslegung der Kantischen Erkenntnistheorie. Weimar: Druck von R. Wagner Sohn, 1912. S. 38.
18. Wirtz H. Schopenhauers Ideenlehre im Vergleich zu der Platos und Kants. Aachen: La Ruell'esche Accidenzdrukerei, 1910.